

Влавацкая Марина Витальевна

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ СИНТАГМАТИКА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ

Статья посвящена функционально-семантическому анализу окказиональных словосочетаний, основанных на нестандартной сочетаемости слов и отражающих авторское (индивидуальное) представление об описываемом персонаже, объекте или действии. Окказиональные словосочетания не являются нормативными, но полностью принимаются системой языка, так как соответствуют фонетическим, морфологическим и синтаксическим нормам. Подобные образования рассматриваются окказиональной синтагматикой – разделом комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 39-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

STUDY OF CHINESE LANGUAGE CONCEPTUAL SPHERE COMPARED TO RUSSIAN ONE
(BY EXAMPLE OF CONCEPT "BEAUTY")

Vasyagina Tat'yana Vladimirovna

Federal State Educational Institution of Higher Professional Education

–Far Eastern State Technical Fisheries University" (–DALRYBVTUZ")

733700@gmail.com

The article describes the attempt of studying the Chinese language conceptual sphere using the associative experiment conducted in the Chinese language among the native speakers, and comparing the results of the experiment with the responses obtained in the course of the associative experiments in the Russian language in the Russian-speaking audience. A lexeme –beautiful" representing the concept –beauty" was used as a stimulus.

Key words and phrases: conceptual sphere; concept; associative experiment; Chinese language; associative dictionary.

УДК 81-116+81'373.42+37+367

Филологические науки

Статья посвящена функционально-семантическому анализу окказиональных словосочетаний, основанных на нестандартной сочетаемости слов и отражающих авторское (индивидуальное) представление об описываемом персонаже, объекте или действии. Окказиональные словосочетания не являются нормативными, но полностью принимаются системой языка, так как соответствуют фонетическим, морфологическим и синтаксическим нормам. Подобные образования рассматриваются окказиональной синтагматикой – разделом комбинаторной лингвистики, изучающей синтагматические связи языковых единиц и их комбинаторный потенциал.

Ключевые слова и фразы: сочетаемость; окказиональная синтагматика; окказиональные словосочетания; художественные (авторские) метафоры; метафоры-окказионализмы.

Влавацкая Марина Витальевна, к. филол. н, доцент

Новосибирский государственный технический университет

vlavatskaya@list.ru

**ОККАЗИОНАЛЬНАЯ СИНТАГМАТИКА
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ[©]**

В комбинаторно-синтагматических исследованиях важное место занимает создание окказиональных словосочетаний, которое является проявлением функции сочетаемости слов. Чаще всего такие сочетания используются в публицистическом и художественном стилях речи. Семантический потенциал предметного слова в высказывании раскрывается через его признаковое окружение. В концепте признака, в свою очередь, отражена модель развития мира, его изменения, оценки с точки зрения нормы, эталона. В этой связи актуальным представляется вопрос о реализации стандартных и нестандартных сочетаний предметных и признаковых слов в контексте высказывания. Окказиональное слово (значение, словосочетание, звукосочетание или синтаксическое образование) – «не узусальное, не соответствующее общепринятому употреблению, характеризующееся индивидуальным вкусом, обусловленное специфическим контекстом употребления» [1, с. 284]. Такие сочетания отражают ассоциативно-вербальный и когнитивный уровни языковой личности автора, в них закреплены представления о явлениях объективной действительности в их связях, отношениях, оценке.

Обладая лексической валентностью, слова вступают в отношения с другими словами, образуя узусальные (типичные) словосочетания. В то же время индивидуальность подхода к выбору лексических единиц из системы языка приводит к появлению нестандартных (окказиональных) словосочетаний (*нарядная печаль* (М. Ю. Лермонтов) [19], *широкошумные дубравы* (А. Пушкин) [26]; *громокипящий кубок* (Ф. Тютчев) [37]; *росы серебрятся о тебе* (А. Блок) [3]; *стеклянная проседь* (В. Хлебников) [38]; *раболепный гнев* (М. Цветаева) [40]. Окказиональная лексическая сочетаемость проявляется прежде всего в том, что при сохранении структуры словосочетания привычная лексическая сочетаемость в той или иной степени нарушается: «в сознании читателя остаётся значение модели, но в то же время в результате замены управляемого слова возникает и новый смысл» [15, с. 94].

В окказиональных сочетаниях слов соединяются несовместимые понятия, которые разрушают привычные сложения смыслов слов, заложенные традицией и обусловленные логикой. В подобных словосочетаниях «необычность, нестандартность связи между предметом и признаком (существительным и прилагательным) перемещает познавательный интерес участников коммуникации с поверхности предметов на их

сущность» [18, с. 43]. Окказиональные значения дают автору возможность выразить своё отношение к предмету действительности, сделать его более притягательным или отталкивающим в глазах читателя.

Окказиональным единицам посвящены многие труды, например [2; 17; 18; 25; 36], в которых исследуется прежде всего возможность языковых единиц переходить в разряд речевых, способствующая их «выходу» за пределы узуса, изменению их формы и содержания, расширению использования системных возможностей и стиливых функций. Окказиональные единицы, создаваемые с различными коммуникативными целями, демонстрируют потенциал языковой системы [36, с. 2].

Словосочетания данного типа являются предметом исследования теории окказиональности, основными положениями которой являются следующие [2]:

1) окказионализм как факт речи задан системой языка, проявляет и развивает семантические, словообразовательные и грамматические возможности этой системы, прорицает тенденции её развития; потенциальное превращается в актуальное;

2) окказионализмы могут быть созданы по нормативным словообразовательным моделям (потенциальные слова) и с нарушением в той или иной степени деривационной нормы (собственно окказионализмы);

3) всякое слово (языка или речи) реализует своё значение в контексте, но узусальные (канонические) слова требуют так называемого воспроизводящего контекста, а окказиональные – формирующего, создающего;

4) анализ окказионализмов разных типов является по преимуществу семантическим и проводится главным образом посредством семного и контекстуального методов с привлечением таких приёмов исследования, как анализ словарных дефиниций, словообразовательный анализ, функционально-грамматический анализ. Структурно-семантическое исследование окказионализмов естественно сопряжено со стилистическим анализом художественного произведения;

5) высокохудожественные, эстетически ценные окказионализмы – это важное текстообразующее средство, они отличаются исключительной семантической ёмкостью.

Возникновение окказиональных значений обусловлено разными причинами, побуждающими художников слова к созданию индивидуально-авторских образований [2]: 1) необходимость точно выразить мысль; 2) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование); 3) потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; 4) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, деавтоматизировать восприятие; 5) потребность избежать тавтологии; 6) необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки.

Однако, как показывает анализ, нередко возникновение окказионального образования может быть вызвано сразу несколькими причинами. Создание большинства окказионализмов можно объяснить многоступенчатой семантической связью, отдалённым сходством признаков, которые улавливает и подмечает автор.

Использование нестандартной сочетаемости языковых единиц также получило научное освещение в окказиональной фразеологии [36]. Проблемы функционирования фразеологических единиц в нетипичной форме в различных дискурсах, нормативности и окказиональности фразеологизмов, видов фразеологических единиц в рамках проблемы тождества и вариативности фразеологического знака изучались в трудах В. Л. Архангельского, Н. М. Шанского, А. В. Кунина, Ю. А. Гвоздарёва, А. И. Молоткова, В. Н. Телия и др. Также внимание языковедов привлекали отдельные приёмы окказионального преобразования фразеологизмов. В рамках окказиональной фразеологии были описаны условия и механизмы использования, стилистические особенности таких приёмов, как фразеологическая контаминация (Л. И. Ройзензон, И. В. Абрамец, Е. А. Колобова), фразеологический эллипсис (А. В. Кунин), двойная актуализация (А. В. Кунин, Е. М. Дубинский, Е. В. Рыжкина), инверсия (М. А. Пименова), замена и расширение компонентного состава (С. П. Волосевич, Н. А. Крюкова) и др. В настоящее время исследуются психолингвистические механизмы индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц, способы и приёмы трансформаций фразеологизмов, особенности их смыслового содержания в художественном тексте [21].

В рамках комбинаторной лингвистики следует выделить особый раздел окказиональной синтагматики [5]. Само понятие «окказиональная синтагматика» отражает продукт не прямых, а многоступенчатых связей между единицами языка, отражёнными в авторском лексиконе. Это индивидуальные, неизвестные языку новообразования, представляющие собой какое-либо отклонение от структуры вербальных моделей, норм словоупотребления; это нестандартное, неузусальное сочетание слов. Например, *Изабель полоснула его по лицу быстрым сияющим взглядом* и *Тусклое пение струн перебивалось постукиванием варварских молоточков* (В. В. Набоков) [22].

Окказиональная сочетаемость слов создаёт особую поэтику внешнего мира, передаёт ощущение чего-то личного, близкого, будучи связанной не только с наглядно-чувственным компонентом лексического значения, но и с эмоциональными переживаниями. Например: *Я сейчас иду к себе наверх, – сказал Керн, стараясь проглотить, сдерживать рыдающий смех* (В. В. Набоков) [Там же]. Так, нестандартное соединение слов в тексте формирует «вторую действительность»: за каждым индивидуальным значением стоят особенности мира, по-своему увиденного автором.

Окказиональная синтагматика рассматривается с точки зрения синтаксической и лексико-семантической сочетаемости. В образовании большинства нестандартных сочетаний участвуют [9, с. 380-381]: 1) семантическое согласование, например, *Опускаем стекло, ветер пахнет камнем и пустотой* (Т. Толстая) [34]: сема запаха является потенциальной для лексемы «ветер», но в то же время является архисемой для глагола «пахнуть». В данном предложении посредством не совсем типичной сочетаемости слов актуализируется сема запаха в слове «ветер»: ведь в реальной действительности ветер может нести с собой какой-либо запах; 2) семантическое

рассогласование, например, *Пустыня разворачивается, раскручивается навстречу, как библейский свисток, чистая, прокалённая солнечным жаром, просвистанная ветром* (Т. Толстая) [33]: оно реализуется благодаря вербализованному сравнению со свистком, при котором лексема «пустыня» приобретает дополнительные семы, такие как «бесконечность», «запутанность», «безжизненность»; 3) семантическое рассогласование, переходящее в согласование, например, *Посредине комнаты лежал громадный ангел* (В. В. Набоков) [22]. В данном примере наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений, означает рассогласование. Заметим, если повтор семы не отражается на значениях сочетающихся слов, то комбинация противоположных (ненужных) компонентов приводит к тому, что у слова возникает сема, которая постепенно восстанавливает совместимость семантем, и рассогласование переходит в согласование. Окказиональное сочетание «громадный ангел» – метафора, связь лексем обусловлена тем, что под «ангелом» подразумевается зверь. В одних случаях семантическое рассогласование, переходящее в согласование, способствует появлению экспрессии и конкретности, в других – образности и ирреальности.

Важно подчеркнуть, что окказиональные сочетания слов представляют собой соединения вследствие отсутствия которых в узусе невозможна, так как противоречат закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексическом значении. Однако благодаря появлению контекстуально обусловленных семантических сдвигов кажется, что в зависимом компоненте словосочетаний общие семы возникают, например:

*...Она как озеро лежала, стояли очи как вода,
и не ему принадлежала как просека или звезда...*

(А. А. Вознесенский) [7].

Смысл словосочетания «стояли очи» можно легко понять из контекста всего стихотворения. Поэт сравнивает избитую женщину с озером, в котором нет течения, следовательно, и жизни, а её глаза «стояли... как вода», т.е. были неподвижны. В данном словосочетании намеренно нарушается лексическая сочетаемость, чтобы актуализировать сему «неподвижность», которая модифицируется в «безжизненность»: женщина умерла и теперь уже не принадлежит никому.

Окказиональная сочетаемость проявляется прежде всего в том, что при сохранении структуры словосочетания привычная лексическая сочетаемость в той или иной степени нарушается:

...Пичуги комментируют

Всё бывшее вчера:

Внезапно налетевшие

Косматые ветра ...

(Е. К. Стюарт) [30].

Из этого примера видно, что слова, составляющие окказиональное словосочетание *пичуги комментируют*, связаны семой «звук» и представляют семантическое согласование. В словосочетании *косматые ветра* отмечено нарушение лексической сочетаемости, чтобы актуализировать потенциальные семы «переменный» и «порывистый» в слове «ветра». По ассоциации – такие ветра, которые делают волосы косматыми. Возникновение окказиональных словосочетаний в поэтическом языке, как правило, мотивировано семантикой слов-компонентов, контекстом употребления и затекстовым контекстом.

Рассмотрим следующий отрывок из стихотворения Г. В. Иванова «На юге Франции прекрасны...» [13]:

Сверкает звездами браслета

Прохлады лунная рука,

И фиолетовое лето

Нам обеспечено – пока

В лучах расцвета-увяданья,

В узоре пены и плюща

Сияет вечное страданье,

Крылами чаек трепеща.

Как видим, данный отрывок изобилует окказиональными сочетаниями слов, в которых сочетаемость семантически несочетающихся слов актуализирует художественную (авторскую) метафору, т.е. окказиональное сочетание слов, которое бессистемно, субъективно, так как отражает индивидуальный взгляд на мир, выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», обладает максимально синтагматической обусловленностью (реализуется в широком контексте, закреплено за контекстом), а также уникально и невоспроизводимо [28, с. 40]. В приведённом выше фрагменте посредством окказиональной сочетаемости слов прослеживается стремление автора точно и кратко выразить мысль, подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку, а также обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки. Нарушение лексико-семантической сочетаемости актуализирует метафору, которая привносит в контекст экспрессивный характер.

Особенности контекстуальной обусловленности художественной метафоры заключаются в том, что она «исходит» из конкретного контекста – рождается и существует в нём, распадаясь вместе с контекстом. Коннотативные признаки, создающие метафору, фокусируются только в рамках данного лексического набора [32, с. 194]. Вне связи с контекстом не может быть определена семантическая сущность художественной метафоры. Контекст для неё – не «обрамление», не фон, даже не «питательная среда», в которой может

существовать метафора, а собственно семантическая субстанция метафоры, её содержимое, которое далеко не всегда легко разложить на «фокус» и «рамку». Даже в случаях контекстного развертывания языковой метафоры контекст всё равно является не «окружением», а самой сутью художественной метафоры [4, с. 66-77].

Авторские метафоры, относящиеся к окказиональным сочетаниям слов, в художественных и поэтических произведениях представляют большой интерес в аспекте лингвистического анализа этого явления. Их исследование становится особо значимым в том случае, когда эти новообразования выступают доминирующим текстообразующим средством в идиостиле поэта или писателя, так как являются важной составляющей его идиолекта.

Далее остановимся на характерных признаках окказиональных сочетаний слов. Во-первых, к ним следует отнести экспрессивность, т.е. выразительные средства речи, отличающие её от стилистически нейтральной и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность, например:

*Большой рояль от блеска бел,
Подняв крыло, стоял, как айсберг.*
(И. Л. Сельвинский) [27].

В данном отрывке сочетаемость слов актуализирует метафору, основными признаками которой выступают экспрессивность (*рояль от блеска бел*) и образность (*подняв крыло, стоял, как айсберг*). При этом отметим, что степень окказиональности и экспрессивности различных нестандартных словосочетаний неодинакова: чем меньше формальных и семантических нарушений, тем меньше окказиональности (следовательно, и экспрессивности) содержится в словах и наоборот [18].

Во-вторых, нельзя не учитывать повторяемость окказиональных словосочетаний, которая противопоставляется воспроизводимости узуальных словосочетаний, или функциональной повторяемости в готовом виде. Необходимо учитывать принципиальную разницу между подлинной воспроизводимостью узуальных словосочетаний и мнимой воспроизводимостью окказиональных словосочетаний (повторяемостью). Окказионализмы не воспроизводятся, а повторяются, т.е. цитируются с определённой целью.

В-третьих, следует отметить как важный признак окказиональных образований их авторство, принадлежность определённому лицу [Там же]. Для окказионализма авторская принадлежность – это принципиальное условие его пребывания в окказиональном статусе. Окказиональные сочетания слов являются продуктом авторского понимания мира, убеждений, мировоззрения, которые соотносятся с синтаксисом и лексикой, зависящими, в свою очередь, от собственных интенций автора.

В контексте может реализовываться как функция моносемантизации, так и функция актуализации, превращающая значение в содержание конкретного слова, ориентированного на конкретный речевой акт, например: *Теперь стыла кругом громадная тишина* (В. В. Набоков) [22]. Понимание смысла подобных окказиональных сочетаний слов легко обнаруживается с помощью ассоциаций: «стыла кругом» может восприниматься как «стояла вокруг», а «громадная тишина» ассоциируется с «безмолвной тишиной». Предложение *Теперь стояла вокруг безмолвная тишина* относится к исключительно нормативным. Глаголы «стыть» и «стоять» имеют одну общую сему – «неподвижность»; прилагательные «громадный» и «безмолвный» также связаны одной общей семой – «наивысшая степень проявления признака». Семный анализ показывает, что два приведённых выше предложения являются семантически идентичными: семантическое согласование в первом предложении переходит в семантическое согласование. Ассоциативность же понятий и явлений, на наш взгляд, представляет собой один из механизмов образования окказиональных словосочетаний, который способствует созданию ассоциативной структуры высказывания, в рамках которой автор передаёт личное отношение к окружающему миру.

Проблема понимания художественного или публицистического текста в психолингвистическом плане – это прежде всего проблема адекватной актуализации составляющих его языковых знаков. В этой связи необходимо использование термина «синестезия», обозначающего соединение различных ощущений, возбуждение органа чувств и одновременное раздражение другого, например, органа звуковосприятия при видении или цветоощущении при слушании.

В лингвистике, как известно, синестезия означает соединение слов, которые выражают ощущения разного рода, причём одно из них приобретает переносное значение: *тёплые тона, вызывающие цвета, сладкий голос* и т.п. Синестезия наблюдается в предложении *Керн постоял в лиловых тенях, и внезапно знакомым ужасом пахнула на него тишина* (В. В. Набоков) [Там же], т.е. «ужасом» – кинестетика (ощущение холода), «пахнула» – обоняние, «тишина» (актуализируется семантика цвета, т.е. темнота). «Тишина» и «ужас» объединяются общими ассоциатами «ночь», «страх», «одиночество». «Пахнула» в данном случае употребляется в переносном значении, которое обычно реализуется в сочетаниях, подобных «это пахнет бедой».

Учитывая всё вышесказанное, можно заключить, что главную роль в соединении «несоединяемых» смыслов играет сочетаемость слов, а вернее, её нарушение, сигнализирующее о необычности и нетипичности явления или действия, тем самым указывая на идиолект писателя и в то же время поддерживая интерес читателя.

Сближение семантически далёких слов в тексте – это также результат открытости структуры лексического значения. На это указывают его семантические признаки, реально проявляющиеся в контексте: не только интенсивно-ядерные, но и импликационные, периферийные, вероятностные семы, различные ассоциации, с которыми данный элемент связывается в сознании говорящих: *«Перцу дожидалась», – строго отвечала она ледяной верхней губой* (Т. Толстая) [35]. Сочетание *ледяная губа* возникает ассоциативно сближаясь с сочетанием «ледяное сердце». Эпитет употреблён в переносном значении «враждебно-холодный, высокомерный».

Сочетаемость слов «ледяной» и «губой», распространяющих значение глагола «отвечала», актуализирует семы «недовольство», «раздражённость», «враждебность» и сигнализирует о негативном отношении автора этих слов к данному актанту ситуации.

Таким образом, можно сделать вывод, что основой образования окказиональных сочетаний слов, как правило, становится метафора – перенос наименования на основании сходства, совпадения тех или иных объективно существенных (или субъективно рассматриваемых в качестве существенных) признаков двух объектов, – которая представляет собой основной вид всякого окказионального наименования нового предмета речи [29, с. 125].

Метафоры-окказионализмы (авторские / художественные метафоры) – это метафоры творческого характера, в которых употребление наименований знакомых вещей, явлений, процессов переносится для обозначения новых, незнакомых, но похожих на них вещей, явлений, процессов в отличие от языковых метафор, которые имеют «системный характер, объективны, т.е. отражают коллективно осознанные предметно-логические связи, выполняют коммуникативную функцию, «анонимны», обладают минимальной синтагматической обусловленностью (реализуется в минимальном контексте), узуальны, воспроизводимы» [28, с. 40], например: *обрывки воспоминаний, прекратить базар, изнанка факта, взрыв ревности* и т.п.

Основой метафор, как уже отмечалось, становятся чувственные образы и представления: зрительные, слуховые, осязательные, вкусовые, обонятельные. Связь окказиональных метафор с собственно языковыми факторами проявляется в том, что метафорическое значение возникает на основе семантических потенций слова, которые устанавливаются между словами смысловую связь, отражающую имплицитные отношения предметов или явлений в мире денотатов. Поэтому метафору часто составляют признаки, свойственные предмету в реальности, но не обязательно отражённые в семантике слова. Например, носитель арабского языка не скажет, что *солнце улыбалась*, а скорее скажет *луна улыбалась*, так как ничего хорошего от палящего солнца он не ждёт.

Как следует из всего сказанного, окказиональные (авторские / художественные) метафоры формируются на основе экстралингвистических факторов, которые отражаются в языке посредством использования определённой лексики, связанной между собой нестандартной (окказиональной) сочетаемостью, а точнее, при намеренном нарушении нормативной лексической сочетаемости слов.

Таким образом, можно утверждать, что одним из способов образования окказиональных сочетаний слов является художественная метафора – собственность конкретного автора, основанная на нестандартной лексической сочетаемости слов, принадлежность эстетической концепции писателя, которая никогда не входит в язык на правах обычных лексических средств. Поэтому художественная метафора является объектом исследования окказиональной синтагматики, которая как один из разделов входит в область комбинаторной лингвистики.

Другой способ создания окказиональных словосочетаний – метонимия, т.е. перенос (регулярный или окказиональный), основанный на ассоциации по смежности предметов, явлений или их признаков. Метонимические значения слов, как известно, являются мотивированными. Понимание смысловой мотивировки метонимических значений сводится к уяснению типов ассоциативной смежности двух предметов или явлений, например, как в стихотворении Е. Стюарт «Школа» [31]: *На пуговицы застёгнуты ботинки, в которых детство прибегает в класс...*, где метонимический перенос основан на типе переноса «абстрактное → конкретное», т.е. детство → дети.

Отметим, что существующие классификации включают разное количество типов переноса, которое объясняется различными подходами к данной проблеме: лингвистическим, литературоведческим, психолингвистическим и т.д.

Остановимся на некоторых проявлениях метонимии, используя материал поэзии. При этом уточним, что в чистом виде метонимия в поэтических произведениях встречается крайне редко. Далее рассмотрим некоторые её проявления.

(1) «Действие → результат действия»: *вооружение, сооружение, сочинение* и т.п.

...к мистицизму прилепление,

Радуйся, ханжества распространение,

Радуйся, бездарных книжиц сочинение,

Радуйся, здравого смысла поношение,

Радуйся, злобы затаение,

Нищелюбивая Евдокия, радуйся!

(Щербина Н. Ф. Акафист: «Радуйся, —Каши» чтение...») [23].

Окказиональная сочетаемость слов (*мистицизму прилепление, здравого смысла поношение*,) и нормативная сочетаемость слов (*ханжества распространение, бездарных книжиц сочинение, злобы затаение*) способствуют актуализации в данном отрывке, во-первых, экспрессивности и эмотивности, которые выступают совместно, и, во-вторых, оценочности, которая носит негативный характер, что подтверждается сочетаниями слов: «мистицизму прилепление», «ханжества распространение», «здравого смысла поношение» и т.д. На явление метонимии указывает факт использования глагола «радоваться» в повелительном наклонении, который подчёркивает результат действия. Однако в середине XIX в. данные словосочетания вполне могли относиться к нормативным.

(2) «Действие → субъект действия»: *руководство, правление, инспекция* и т.п.

*Стуча / сапогом,
идёт за пайком —
Правление / выдало
урюк / и повидло.*

(В. В. Маяковский) [20].

Хотя стихи В. В. Маяковского отличаются особым слогом, в данном отрывке представлена нормативная сочетаемость слов: «правление» (метонимия), т.е. люди, представляющие в данном случае администрацию (субъект), «выдало» паёк, состоящий из указанных продуктов.

(3) «Часть → целое»: *мундир – человек в мундире*, т.е. военный.

*Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры.*

(М. И. Цветаева) [39].

Сочетаемость слов выстраивает контекст, отражая метонимический перенос значения. В данном случае «мундиры» олицетворены (это – офицеры), на что указывает глагол-распространитель «шептались» (шептаться могут только люди).

(4) «Абстрактное → конкретное»: *студенчество* (студенты), *профессорство* (профессоры), *ученичество* (ученики) и т.п.

*Огненное офицерство!
Сердце – ваш беспроегрышный бой,
Амбразуры закрывает сердце.
Гибнет от булавки
Болевой.*

(А. А. Вознесенский) [8].

Метонимия «офицерство» (офицеры) приведена в сочетании с эпитетом «огненный» модифицируется в метафору *огненное офицерство*. Данные слова связаны между собой семами «боевой» и «готовый к по движу»; их сочетаемость актуализирует экспрессивность, эмотивность и оценочность предмета описания.

(5) Конкретное вместо абстрактного – разновидность метонимии, близкая к аллегории, но отличающаяся тем, что абстрактное сопоставляется с более конкретным на основе естественной, а не условной, символической связи, например, сопоставляются предмет и действие предмета:

*Рояль вползал в каменоломню.
Его тащили на дрова
К замерзшим чанам и половням.
Он ждал удара топора!*

(А. А. Вознесенский) [6].

Данный отрывок хорошо отражает сюжет стихотворения, в котором замёрзшие, измученные люди готовятся разрубить рояль, чтобы сварить пищу. А. Вознесенский пишет о потрясшем его факте истории высокопарно, не чуждаясь эффектных поворотов поэтического сюжета. Метонимия *удара топора* в сочетании *он ждал* (он – рояль) выступает вместе с олицетворением. Использование в начале баллады окказионального предикативного словосочетания *рояль вползал* указывает на олицетворение и актуализирует метафору (экспрессивность).

Здесь будет уместно пояснить, что при метонимизации существительных, прилагательных и глаголов всегда имеется смежность предметов и явлений, к которым относятся признаки (прилагательные) и действия (глаголы), т.е. метонимия прилагательных и глаголов зависит от существительных. Метонимия прилагательных построена на смежности предметов и явлений, к которым относятся признаки, и, взятая в индивидуально-стилистическом значении, она в то же время характеризуется признаками метафоризации: *весёлые дрозды* – веселящиеся? кажущиеся такими человеку? или *шаловливые воробьи* – шалящие? кажущиеся такими человеку [12]? Из вышесказанного следует, что дробное деление явления метонимии на виды и подвиды, определяемые особенностями функционирования метонимии в ряду других словопреобразований необходимо в контексте художественной речи.

Исследование метонимии также показывает, что существует целый ряд смежных с ней явлений [24, с. 126]. «Деталь как деталь» (присутствует прямое или косвенное указание на явление, которому названная подчинена как часть целому):

*Царь бутылочку мальвазии выдаивает,
перед зеркалом свейским
прыц выдавливают,
Примеряет новый перстень-изумруд –
и на площадь...*

Стеньку Разина везут!
(Е. А. Евтушенко) [11].

Подчеркнём, что «деталь» может быть представлена как «кадр»: *На их рубашках Сингапур, пляж, пальмы, а въелись в кожу рук металл, соль, копоть...* (Е. А. Евтушенко) [10].

Далее остановимся на особенностях смежных с метонимией явлений.

(1) Метонимия + олицетворение: *Снят на борту грузовики, снят краны. На палубе танцуют вальс бахилы, кеды* [Там же].

(2) Метонимия + символ, который нередко выступает как олицетворение:

*Плащи – крылатые герои
Великосветских авантю.
Плащ, шеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ – Проходимец, плащ – Амур.
Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: – темно...*
(М. И. Цветаева) [39].

(3) Метонимия с метафорическим сдвигом: *Она поздоровалась с ним по-английски: одним взмахом улыбки* (В. В. Набоков) [22].

(4) Метафора + (Метонимия):

*Заплаканное зеркало на кафельной стене.
Что разглядело мокрое стекло во мне?
Его спросить об этом я хочу,
хотя ответ в нём вряд ли получу.*
(В. Ковбасюк) [16].

Как представляется, метафора *заплаканное зеркало* указывает на неотъемлемую сочетаемость данного прилагательного с существительным, которому оно формально подчинено. Метонимия предполагает нормативную сочетаемость данного прилагательного (*заплаканное лицо, заплаканный человек*). Так, вырисовывается ассоциативный путь создания этого типа метафоры.

При рассмотрении метонимии следует учитывать то, что действие её механизма приводит к появлению нового значения или контекстуально обусловленному изменению значения слова. В то же время отметим, что при образовании окказионального сочетания нестандартное зависимое слово (*налёт недомолвок, налёт обиды*) наделяется функцией и свойствами стандартного участника ситуации (ср.: *налёт пыли*) и тем самым сравнивается с опорным словом, воплощающим эту функцию и содержащим представление о содержимом [14, с. 143]. Это подтверждает целесообразность исследования окказиональных словосочетаний не только с точки зрения семного анализа и выявления сочетаемости лексических единиц, но и с позиции ассоциативно-семантического анализа текста.

Окказиональная синтагматика привлекает внимание исследователей ещё и как элемент авторского речевого поведения, отличающегося своей индивидуальностью. Анализ нестандартных сочетаний слов в художественном тексте считается ценным и эффективным способом исследования авторского мировоззрения.

Как следует из анализа языкового материала, представленного в данной статье, способами образования окказиональных сочетаний являются: 1) употребление нестандартного для данного сочетания эпитета; 2) установление ассоциативных связей между лексемами; 3) метафора и метонимия. Уточним, что среди метафор преобладают художественные, при создании метонимий реализуются комплексные характеристики (метонимия с метафорическим сдвигом, олицетворением и т.п.). Хотя окказиональные словосочетания не принадлежат к нормативным, они всецело принимаются системой языка, а также положительно воспринимаются и понимаются членами данного языкового сообщества.

Функционально-семантическое рассмотрение окказиональной синтагматики показало, что в основе всех окказиональных словосочетаний лежит нестандартная, или ненормативная, сочетаемость слов, которую автор произведения избирает для описания определённого отношения к предмету или явлению действительности. Окказиональные образования обычно передают наглядно-чувственные и эмоционально-оценочные ощущения посредством актуализации новых лексических значений, входящих в высказывание или текст.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.
2. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. Калининград: Изд-во КГУ, 1997. 79 с.
3. Блок А. А. Ищу огней – огней попутных [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/blok315.html> (дата обращения: 12.12.2013).
4. Вардзелашвили Ж. О двойкой сущности метафоры // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия «Филология». СПб. – Тбилиси: С.-Петерб. гос. ун-т; Тбилисский гос. ун-т, 2002. Вып. IV. С. 66-77.
5. Влавацкая М. В. Функции сочетаемости в семантической реализации слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 42-47.

6. **Вознесенский А. А.** Баллада 41-го года [Электронный ресурс]. URL: <http://allpoet.ru/author/178/15922/index.php> (дата обращения: 12.12.2013).
7. **Вознесенский А. А.** Бьют женщину [Электронный ресурс]. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=11750> (дата обращения: 12.12.2013).
8. **Вознесенский А. А.** Лейтенант Загорин [Электронный ресурс]. URL: <http://libverse.ru/voznensenskii/leitenant-zagorin.html> (дата обращения: 12.12.2013).
9. **Гак В. Г.** К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики-1971. М.: АН СССР Институт русского языка, 1972. С. 367-395.
10. **Евтушенко Е. А.** Вальс на палубе [Электронный ресурс]. URL: peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/evtushenko/poetry_vals_na_palube.shtml (дата обращения: 12.12.2013).
11. **Евтушенко Е. А.** Казнь Стеньки Разина [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/evtushenko/kak-vo-stolnoj.aspx> (дата обращения: 12.12.2013).
12. **Зимин В. И., Моделадзе Э. А.** Метафора и метонимия // Русский язык в национальной школе. 1977. № 2. С. 35-39.
13. **Иванов Г. В.** На юге Франции прекрасны... [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.12.2013).
14. **Кнорина Л. В.** Грамматика. Семантика. Стилистика. М.: Русские словари, 1996. 240 с.
15. **Ковалев В. П.** Окациональная сочетаемость слов как экспрессивное средство художественной прозы // Русский язык в школе. 1976. № 2. С. 94-95.
16. **Ковбасюк В.** Запаканное зеркало [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2011/12/03/1452> (дата обращения: 12.12.2013).
17. **Козловская Н. В.** Лексика предметного мира в организации лексической структуры текста произведения В. Набокова «Другие берега»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995. 22 с.
18. **Козловская Н. В.** Окациональная синтагматика в произведении В. Набокова «Другие берега» // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. Вып. 18. С. 34-50.
19. **Лермонтов М. Ю.** Журналист, читатель и писатель [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82_%D0%A7%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%B8_%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C_\(%D0%9B%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82_%D0%A7%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C_%D0%B8_%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C_(%D0%9B%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2)) (дата обращения: 12.12.2013).
20. **Маяковский В. В.** Хорошо [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mayakovsky.velchel.ru/index.php?cnt=7&sub=2&part=11> (дата обращения: 12.12.2013).
21. **Мелерович А. М., Мокленко В. М.** Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. 484 с.
22. **Набоков В. В.** Удар крыла [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/NAVOKOW/r_krylo.txt (дата обращения: 12.12.2013).
23. **Национальный корпус русского языка (НКРЯ)** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 12.12.2013).
24. **Некрасова Е. А.** Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии / отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1975. С. 111-132.
25. **Пацула Ю. Н.** Окационализмы новейшего времени: структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2005. 42 с.
26. **Пушкин А. С.** Поэт [Электронный ресурс]. URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1827/0444.htm (дата обращения: 12.12.2013).
27. **Сельвинский И. Л.** Лебединое озеро [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/selvinskiy_ilya/izbrannaya_lirika/read_4/ (дата обращения: 12.12.2013).
28. **Скляревская Г. Н.** Метафора в системе языка. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2004. 166 с.
29. **Скребнев Ю. М.** Очерк теории стилистики. Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1975. 360 с.
30. **Стюарт Е. К.** Городской рассвет // Стюарт Е. К. Стихи. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1966.
31. **Стюарт Е. К.** Школа // Стюарт Е. К. Стихи. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1966.
32. **Телия В. Н.** Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. С. 129-221.
33. **Толстая Т. Н.** Не кысь [Электронный ресурс]. URL: http://www.belousenko.com/books/tolstye/tolstaya_ne_kysj.htm (дата обращения: 12.12.2013).
34. **Толстая Т. Н.** Рассказы об Израиле и Иерусалиме [Электронный ресурс]. URL: <http://heblit.bravepages.com/tt/tts.html> (дата обращения: 12.12.2013).
35. **Толстая Т. И.** Соня [Электронный ресурс] // Толстая Т. И. Рассказы из книги «Ночь». URL: http://www.lib.ru/PROZA/TOLSTAYA/r_night.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.12.2013).
36. **Третьякова И. Ю.** Окациональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2011. 51 с.
37. **Тютчев Ф. И.** Весенняя гроза [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0_\(%D0%A2%D1%8E%D1%82%D1%87%D0%B5%D0%B2\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%B7%D0%B0_(%D0%A2%D1%8E%D1%82%D1%87%D0%B5%D0%B2)) (дата обращения: 12.12.2013).
38. **Хлебников В.** Город будущего [Электронный ресурс]. URL: <http://rvb.ru/hlebnikov/tekst/001stihi/116.htm> (дата обращения: 12.12.2013).
39. **Цветаева М. И.** Плащ [Электронный ресурс] // Наследие Марины Цветаевой. URL: http://www.tsvetayeva.com/cycle_poems/plash.php (дата обращения: 12.12.2013).
40. **Цветаева М. И.** Песенки из пьесы «Ученик» [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsvetayeva.com/cycle_poems/pesenki_iz_pjesy.php (дата обращения: 12.12.2013).

OCCASIONAL SYNTAGMATICS IN FUNCTIONAL AND SEMANTIC CONSIDERATION

Vlavatskaya Marina Vital'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Novosibirsk State Technical University
vlavatskaya@list.ru

The article is devoted to the functional and semantic analysis of occasional word combinations, based on non-standard word compatibility and representing the author's (individual) idea of the described character, object or action. Occasional word combinations are not normative, but fully accepted by the system of language, because they correspond to the phonetic, morphological and syntactic standards. Similar formations are considered by occasional syntagmatics – the section of combinatorial linguistics that studies the syntagmatic relations of language units and their combinatorial potential.

Key words and phrases: compatibility; occasional syntagmatics; occasional word combinations; literary (author's) metaphors; metaphors-occasionalisms.

УДК 070.1

Филологические науки

Статья посвящена некоторым теоретическим особенностям игрового кодирования политических коммуникаций в масс-медиа. Авторами рассматриваются тенденции организации политических событий по аналогии с игрой, в контексте игроизации. На основе теории Никласа Лумана делается предположение об удвоенном игровом коде политических коммуникаций, приведены примеры политической медийной реальности, сходные по конструкции и эффектам с игровыми действиями, а также варианты псевдоигр. Выявляются перформансный игровой код для первого уровня наблюдения и код соревнования для второго уровня.

Ключевые слова и фразы: игровые коммуникации; игровой код; удвоение реальности; политические коммуникации; наблюдатели.

Волкова Ирина Ивановна, к. филол. н., доцент
Осиповская Елизавета Андреевна
Российский университет дружбы народов
volkova.docent@gmail.com; elizabeth-st@mail.ru @mail.com

ОСОБЕННОСТИ ИГРОВОГО КОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ[©]

Во втором десятилетии XXI в. специалисты по коммуникациям продолжают фиксировать и системно наблюдать эффекты использования игровых элементов во многих сферах человеческой деятельности. Еще в 2012 году консалтинговая компания *Gartner* – мировой лидер в исследовании рынка информационных технологий – констатировала, что *геймификация* (от англ. *gamification*) стремительно преодолела этап технологического триггерства (начало публикаций об инновации) и оказалась на «пике чрезмерных ожиданий». В коммуникационной повестке дня – новые революционные достижения в сфере игровых коммуникаций [6].

Одним из первых определение геймификации дало американское игровое агентство *Bunchball*: это интеграция игровых элементов и игровой динамики в неигровой процесс [10]. Существуют и другие, семантически близкие к геймификации термины. Понятие «игроизация» введено в научный оборот философом Л. Т. Ретюнских [7], которая описала его как процесс проникновения различных элементов игрового мира в другие сферы бытия. Социолог С. А. Кравченко [2] назвал то же самое явление «играизацией» (через -а-) и аттестовал его более практично – как внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии. Современные теории и практики, по сути, осваивают одно и то же тематическое поле с разных позиций.

Для нас представляет особый интерес изучение игровых элементов в контексте коммуникативных процессов, а именно политических коммуникаций в масс-медиа. Именно в политике как социальной системе проявляется, на наш взгляд, *удвоенный игровой код*. Рассмотрим это предположение.

Согласно концепции немецкого социолога Никласа Лумана, политика ориентирована на собственные бинарные коды и функционирует на основе операции наблюдения. Наблюдатели, которые способны к различению и обозначению, по Луману, – это не индивиды, а именно системы. Современное общество представляется Луману глобальной социальной аутопоэтической системой, самовоспроизводящейся на основе мировой коммуникативной сети [3], а к одной из подсистем он относит политику. Наблюдение первого порядка (реальной реальности) осуществляется медийной системой, при этом масс-медиа как наблюдатели невидимы для самих себя. Общественное мнение служит инструментом наблюдения второго уровня, является медиумом самоописания современного общества, оно не имеет выхода на реальность, на то, что находится по ту сторону общественных коммуникаций [5]. Таким образом, по Луману, наблюдатели наблюдают других наблюдателей, реальность удваивается (точнее, конструируется). Причем удвоенная реальность стремится к наблюдаемой игроизации и сознательно геймифицируется. Такая парадигма переключается с тезисом